

Данилова Наталья Владимировна

КРИТЕРИИ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ТЕОРИЯ ВОПРОСА И ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ПРАВА

Предметом исследования являются критерии благоприятной окружающей среды. Цель работы - выявление признаков, доказывающих факт нарушения экологических прав граждан. Рассматриваются законодательное определение благоприятной окружающей среды, а также дефиниции и критерии, предлагаемые в науке экологического права. На основе анализа судебных решений по делам о нарушении права на благоприятную окружающую среду выявляются типичные основания исков, дается оценка их корректности. Делается вывод, что ни легальное, ни научные определения не востребованы правоприменительной практикой. Вместе с тем, ошибочно полагать, что любое нарушение требований экологического законодательства может свидетельствовать о нарушении прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 79-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PROBLEM OF IDENTIFICATION AT CIVILIZATIONS INTERSECTION LINES**Davydova Tat'yana Viktorovna**Tyumen State University
davydova.t.72@gmail.com

The article is devoted to the study of the civilization identities of youth as ideal types by the method of focused group interview on the basis of the theory of civilizations by S. Huntington. Special attention is paid to the consideration of intersection points in the structure of civilization identities and to the interpretation of this phenomenon. The author concludes that civilization identity is that you need to realize, as other identities are not enough.

Key words and phrases: civilization; civilization identity; identification; focused group interview.

УДК 349.6

Юридические науки

Предметом исследования являются критерии благоприятной окружающей среды. Цель работы – выявление признаков, доказывающих факт нарушения экологических прав граждан. Рассматриваются законодательное определение благоприятной окружающей среды, а также дефиниции и критерии, предлагаемые в науке экологического права. На основе анализа судебных решений по делам о нарушении права на благоприятную окружающую среду выявляются типичные основания исков, дается оценка их корректности. Делается вывод, что ни легальное, ни научные определения не востребованы правоприменительной практикой. Вместе с тем, ошибочно полагать, что любое нарушение требований экологического законодательства может свидетельствовать о нарушении прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова и фразы: благоприятная окружающая среда; право человека; право на защиту; экологические нарушения; экологические права.

Данилова Наталья Владимировна, к.ю.н., доцентТюменский государственный университет
nvdanilova@mail.ru**КРИТЕРИИ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ:
ТЕОРИЯ ВОПРОСА И ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ПРАВА[©]**

В иерархии эколого-правовых норм обеспечение права на благоприятную окружающую среду выступает не просто одним из принципов правового регулирования в области охраны окружающей среды, но определяет конечную цель, социальное назначение отрасли экологического права. Наряду с иными глобальными правами человека право на благоприятную окружающую среду выступает как показатель качества жизни человека. Как верно отмечает М. И. Васильева, «социальная ценность права жить в экологически безопасной среде вполне сопоставима с ценностью права на труд, на отдых, охрану здоровья и других» [3, с. 25]. Представляется, что значимость права человека на благоприятную окружающую среду не осознается в полной мере ни в юридической науке, ни в правоприменительной практике. В обыденном же сознании в ценностной иерархии экологические права вообще зачастую воспринимаются и оцениваются как права последнего порядка.

Вместе с тем не может не радовать, что к настоящему времени сложилась определенная практика судебной защиты рассматриваемого права. Активно выступает прокуратура в защиту экологических прав граждан, да и сами граждане все чаще обращаются в суды. Судебная практика позволяет нащупать болевые точки института экологических прав, выявить пробелы и коллизии действующего законодательства, определить пути его совершенствования.

В научной литературе не раз отмечался тот факт, что Федеральный закон «Об охране окружающей среды» крайне скупо описывает право на благоприятную окружающую среду, не устанавливает четко ни его содержание, ни способы защиты. Наибольшую критику вызывает дефиниция благоприятной окружающей среды как среды, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов (ст. 1). Данное определение подвергается справедливой критике по ряду причин. Во-первых, оно неоправданно сужает характеристику благоприятной окружающей среды до одного критерия – устойчивости, который привнесен из естественных наук без каких-либо пояснений [2, с. 47]. Более того, «устойчивость в естествознании пока не считается аксиоматичным мерилем процессов, происходящих в экосистемах и окружающей среде в целом» [4, с. 101-102]. Во-вторых, указанное определение вообще выводит за рамки оценки благоприятности среды интересы человека, для обеспечения которых собственно и создано экологическое законодательство. «Благоприятность среды и в юридическом, и в экологическом, да и просто в лексическом смыслах тесно связано именно с человеком, его жизнью и здоровьем, – пишет М. И. Васильева. – Возможно, законодатель полагал, что человеческий фактор

присутствует здесь опосредованно, как часть “естественных экологических систем”?. Но в современной юриспруденции человек все же должен рассматриваться как самостоятельный объект (и обязательно субъект) правовой охраны» [Там же, с. 100]. В связи с этим признак безопасной для здоровья человека, других живых организмов среды был бы более уместен в законе. К сказанному можно добавить, что с практической точки зрения неясно, какими доказательствами следует подтверждать неустойчивость естественных экосистем. Должны ли это быть данные экологического мониторинга? Или следует привлекать экспертов-экологов и руководствоваться их заключениями?

В доктрине экологического права Ю. С. Шемшученко еще в конце 1980-х гг. предложил следующие критерии благоприятной окружающей среды: «это здоровая (незагрязненная), но и ресурсоемкая, экологически устойчивая, эстетически богатая и разнообразная среда обитания человека» [7, с. 22]. В настоящее время эти признаки стали общепризнанными в науке экологического права [2, с. 51; 6, с. 55].

Безусловно, каждый из этих признаков характеризует окружающую среду как благоприятную. Однако с практической точки зрения юридическое значение имеют не столько эти признаки, сколько перечень требований экологического законодательства, нарушение которых приводит или может привести к неблагоприятному состоянию окружающей среды, а значит к нарушению прав граждан. На практике безусловным подтверждением нарушения права на благоприятную окружающую среду является наличие экологического вреда. Так, в последние годы наиболее частными поводами к предъявлению исков в защиту публичных экологических прав становятся несанкционированные свалки отходов. Практика по таким делам была нами проанализирована в работе [5].

Более сложным представляется обоснование наличия реальной угрозы причинения экологического вреда как основания подачи иска в защиту общественных интересов. Проведенный нами анализ судебной практики показал, что в ситуациях, когда вред природной среде еще не причинен, в подтверждение нарушения права на благоприятную окружающую среду истцы приводят следующие основания:

- 1) нарушение экологических нормативов;
- 2) нарушение законодательства об экологической экспертизе, в том числе отсутствие положительного заключения государственной экологической экспертизы;
- 3) нарушение требований водного законодательства по очистке сточных вод, повлекшее сверхнормативные сбросы в системы канализации;
- 4) нарушение требований законодательства об отходах производства и потребления;
- 5) нарушение законодательства об особо охраняемых природных территориях;
- 6) нарушение требований санитарного законодательства, санитарных норм и правил;
- 7) нарушение субъектами хозяйственной деятельности порядка природопользования, в том числе отсутствие правоустанавливающих документов;
- 8) нарушение требований градостроительного законодательства.

Представляется, что далеко не все эти нарушения свидетельствуют о посягательстве на право человека на благоприятную окружающую среду. Так, самовольное использование природных ресурсов свидетельствует о нарушении права собственности. Истцами по таким делам должны выступать не органы прокуратуры или государственного экологического надзора (как это зачастую происходит на практике), а собственник, либо его полномочные представители. Применительно к праву государственной собственности это должны быть органы, наделенные функциями управления соответствующим государственным имуществом. Способом защиты в данной ситуации может быть виндикационный иск.

Можно согласиться с Е. Н. Абаниной, что некорректно расценивать нарушение порядка природопользования как посягательство на право на благоприятную окружающую среду [1, с. 40]. Действительно, действующее законодательство за пользование природными объектами без правоустанавливающих документов предусматривает весьма эффективные меры административной ответственности, размеры штрафов достаточно высоки. Кроме того, вызывает возражение использование для пресечения такого рода нарушений мер прокурорского реагирования. Полагаем, что прокуратура не должна в своей деятельности подменять органы государственного экологического надзора, у которых имеется достаточно широкий спектр мер государственного принуждения, применяемых к нарушителям.

Весьма спорным является квалификация нарушений санитарных норм и правил как посягательство на экологические права. Санитарное законодательство обеспечивает реализацию и защиту своего «собственного» права – права на благоприятную среду обитания, которое хотя и родственно праву на благоприятную окружающую среду, но не тождественно ему. Об основных отличиях указанных прав писал еще М. М. Бринчук [2]. Возможно, путаница связана с весьма некорректным определением самого объекта права – окружающей среды, в содержание которого совершенно необоснованно включены антропогенные объекты. Последние, очевидно, не охраняются и никогда не охранялись нормами экологического законодательства, что прямо вытекает из ст. 4 Федерального закона «Об охране окружающей среды». А вот в сферу действия санитарного законодательства они входят. Заметим, что в этом плане было бы более корректно назвать указанный закон «Об охране природной среды», а право соответственно именовать правом на благоприятную природную среду.

В более четкой регламентации нуждается, очевидно, не только дефиниция благоприятной окружающей среды. Следует устранить также двусмысленность понятия «окружающая среда». Положительную роль в эффективной защите экологических прав на благоприятную окружающую среду могла бы сыграть подготовка Верховным Судом РФ обобщения судебной практики по рассматриваемой категории дел. В нем целесообразно привести хотя бы примерный перечень нарушений требований экологического законодательства, которые могут однозначно квалифицироваться как посягательство на право человека на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. **Абанина Е. Н.** Защита права граждан на благоприятную окружающую среду при обращении прокурора в суд: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 7. С. 38-44.
2. **Бринчук М. М.** Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 37-52.
3. **Васильева М. И.** Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. 2005. № 1. С. 19-26.
4. **Васильева М. И.** Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во МГУ, 2003. 424 с.
5. **Данилова Н. В.** Правовая природа требований о возмещении экологического вреда (на основе анализа судебной практики по делам о незаконном размещении отходов) // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 111-118.
6. **Каменева З. В.** Экологическая безопасность как форма реализации права граждан на благоприятные условия жизнедеятельности // Законодательство и экономика. 2004. № 1. С. 51-60.
7. **Шемшученко Ю. С.** Правовые проблемы экологии. Киев, 1989. 231 с.

**CRITERIA OF FAVOURABLE ENVIRONMENT:
THEORETICAL BACKGROUNDS AND PRACTICE OF RIGHT PROTECTION**

Danilova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Tyumen State University
nvdanilova@mail.ru

The research focuses on the criteria of favourable environment. The paper aims to identify the features proving the fact of the violation of citizens' ecological rights. The author examines the legal definition of favourable environment and the definitions and criteria proposed by ecological law science. Relying on the analysis of court decisions on the cases of the violation of the right to favourable environment the researcher identifies typical causes for the suits, evaluates their correctness. The author concludes that neither legal nor scientific definitions are required by law enforcement practice. At the same time it would be a mistake to believe that any violation of ecological legislation can indicate the violation of citizens' right to favourable environment.

Key words and phrases: favourable environment; human right; right to defense; ecological violations; ecological rights.

УДК 786.6

Искусствоведение

В статье рассматривается специфика прочтения сказки К. Чуковского в сказочно-сатирической опере Б. Тищенко «Краденое солнце», основанной на взаимодействии смысловых пластов: детское – взрослое, игра – пародия, и отражающей содержательные доминанты мира композитора. Отталкиваясь от сюжета Чуковского, Тищенко создает новый структурный контур музыкального произведения – театр представления, близкий и итальянской комедии масок, и условному театру XX века. Особое внимание уделяется работе композитора с текстом, взаимодействию слова и звука, изображению в опере манеры детского интонирования и чтения стиха.

Ключевые слова и фразы: сказочная поэзия; театр в театре; смеховая стихия; пародия; подтекст; детское интонирование; формульность.

Данилова Нонна Викторовна

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
n.danilova@bk.ru

**«КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ» К. ЧУКОВСКОГО И Б. ТИЩЕНКО:
ОПЫТ ПЕРЕВОДА СКАЗКИ НА МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЯЗЫК[©]**

Творчество петербургского композитора Бориса Тищенко представляет одну из наиболее ярких и оригинальных страниц музыки второй половины XX века. Время формирования творческой личности Тищенко – 60-е годы, период «оттепели», когда приоткрылись «шлюзы» духовной свободы, когда советские композиторы активно знакомились с достижениями музыкальной культуры всего мира, экспериментировали, находя новые средства выразительности.

Характерная черта раннего этапа творчества композитора – поиск нового языка, отличающего его «Грустные песни» и фортепианные сонаты, первый струнный квартет и первые симфонии, балет «Ярославна» и Концерт для арфы с оркестром.

Новаторство, проявляющееся, прежде всего, в содержательной сфере, захватывает у Тищенко все элементы языка, в том числе и такие устойчивые, конструктивные закономерности целого, как музыкальная форма. В то же время композитор почвенно связан с традициями русской и мировой музыкальной культуры. Их органичное